

ΤΡΙΑ ΜΥΣΚΕΤΕΡΑ

Ελιζαβέτα
Χεινόπουλη

16+

Елизавета Хейнонен

Три мышкетёра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Елизавета Хейнонен

Три мышкетёра / Елизавета Хейнонен — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Вернувшись однажды с бала-маскарада, граф де Грюйер, один из самых замечательных обитателей Мышиного королевства, нашел свой дом опечатанным, а город вокруг почти неузнаваемым. Прошло немало времени, прежде чем он понял, что каким-то непостижимым образом очутился в прошлом: чья-то неведомая воля перенесла его во времена Мауса XIII, где его по причине сильного фамильного сходства приняли за его предка, близкого друга опальной королевы. Пусть вас не вводит в заблуждение название и место действия книги: эта книга писалась для взрослых. При оформлении обложки использованы рисунки автора.

© Елизавета Хейнонен, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	10
Глава третья,	14
Глава четвертая,	16
Глава пятая,	20
Глава шестая,	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава первая,

в которой главный герой ещё раз убеждается в том, что потакание капризам прекрасных вдовушек не приводит к добру

Началась эта невероятная история с небольшой записки, полученной мною от виконтессы Шавиньоль. Виконтесса спрашивала, не сочту ли я за труд сопроводить её на бал-маскарад, который герцог Валансэ даёт в честь рождения наследника в ближайшее воскресенье. Должен сказать, что я не большой любитель подобных увеселений, но нужно иметь камень вместо сердца, чтобы отказать прелестной мышке, которая к тому же не так давно овдовела и нуждалась в утешении. Почему она выбрала в утешители именно меня, я так и не успел выяснить: помешали те самые события, которые побудили меня взяться за перо.

Выбор маскарадного костюма я возложил на своего слугу Марселя. Последний, не мудрствуя лукаво, приобрёл для меня то, что ему предложили в первой же попавшейся лавчонке: мундир цвета кофе с молоком с золотыми галунами, чёрную широкополую шляпу с двумя белыми перьями и короткий плащ того же цвета, что и мундир, украшенный гербом династии Маусов. Так, или почти так, одевались королевские мышкетёры времён Мауса XIII.

– Я прихватил ещё и вот это, – сказал Марсель, доставая из груди хлама, который он вывалил прямо на пол, какой-то металлический предмет, о назначении которого можно было только гадать.

– Что это? – спросил я.

Вместо ответа Марсель сделал выпад и с криком «Защищайтесь, сударь!» нацелил предмет мне в грудь.

Я инстинктивно отшатнулся, но скорее от неожиданности, чем от страха быть проколотым.

– Господи! Да что это? – повторил я свой вопрос, едва сдерживая смех.

– Ваша шпага, сударь. Я заплатил за неё почти столько же, сколько за всё остальное обмундирование. Этот скупердяй старьёвщик не пожелал уступить ни полшиллинга. Он утверждает, что некогда сей предмет принадлежал барону Блэ дю Веркору, одному из самых знаменитых мышкетёров Мауса XIII. Барон сломал её в драке с гвардейцами кардинала Монтаньоло и выбросил за ненадобностью, а прапрапрадед старьёвщика её якобы подобрал. С тех пор она хранилась в их доме в качестве семейной реликвии. Старьёвщик сказал, что уступает её мне только потому, что в той драке был каким-то образом замешан один из предков Вашей Светлости. Вы ни о чём таком не слышали?

– Нет.

– Врёт, наверное. Все они врут, лишь бы набить цену. Но, как бы то ни было, какая-то история у этой шпаги всё равно есть, – философски заключил Марсель. (Он всегда любил немного пофилософствовать.) – Жаль, у старика не оказалось подходящих ножен. Но я всё же раздобыл для вас ножны. Отгадайте, где! В детском театре! У меня там есть одна знакомая мышка. Всего один поцелуй – и она провела меня в помещение, где хранится реквизит. К сожалению, там не нашлось ничего лучше вот этого, – и Марсель показал мне предмет, который можно было при большом желании принять за ножны, да и то лишь издали.

Очевидно, моё мнение об этом предмете театрального реквизита как-то отразилось на моём лице, потому что Марсель поспешил заметить:

– Согласен, вблизи ножны выглядят не так чтобы уж очень, бутафория она и есть бутафория, но кто станет присматриваться? Разве что вы вздумаете принять участие в конкурсе на лучший маскарадный костюм. Но вы же не станете этого делать, так ведь? Кроме того, эти ножны ничего не весят. Должно быть, сделаны из какого-то очень лёгкого металла.

Он вложил обломок шпаги в ножны и протянул его мне со словами:

– Вот подержите. Видите, какая лёгкая вещица? С настоящей шпагой вы бы измучались с непривычки. Она не даст вам танцевать.

– Я не собираюсь танцевать.

– Как знать. Дамочки вроде виконтессы Шавиньоль умеют уговаривать. Уговорила же она вас сопровождать её на бал. Так что не отвертитесь, если она того захочет.

В конце концов я вынужден был признать, что в том, что говорил мой верный слуга, был свой резон. Чтобы носить настоящую шпагу, нужна некоторая сноровка. Мне ничего не оставалось, как поблагодарить его за заботу. Однако это было ещё не всё.

– Для комплектности я хотел прихватить у старика ещё и ботфорты, но у него не оказалось вашего размера, – продолжал Марсель. – Тогда я не поленился подняться на чердак и в одном из сундуков откопал вот эти. Будут вам как раз впору. Каблуки немного сносились, но в остальном вид вполне приличный. Там же, на чердаке, я нашёл ещё вот эту перевязь. Потрогайте. Чистая змеиная кожа. Кое-где даже чешуйки ещё не стёрлись.

Мне приходилось слышать о перевязях, изготовлявшихся из кожи, сброшенной змеями. Говорят, они ценились на вес золота, особенно те, что были скроены из кожи ядовитых змей, обладающих яркой окраской. Такую перевязь из кожи изумрудного древесного удава действительно получил в подарок от королевы Марианны Чеширской один из моих предков после того, как оказал Её Величеству некую неопределимую услугу. При этом мой покрывший себя славой предок никогда не состоял в роте королевских мышкетёров.

Экипированный по всем статьям (не хватало только мышкета и пары пистолетов), я в условленный час предстал перед виконтессой Шавиньоль, которую я застал в будуаре, наносящей последние штрихи на свой туалет. Рядом хлопотала раскрасневшаяся служанка.

– Вы как нельзя кстати, граф, – приветствовала меня молодая вдова, не отходя от зеркала, в котором отражалась её изящная фигурка, – мне нужна ваша помощь.

В розовом бальном платье, перехваченном в талии широким поясом и едва достающем до щиколоток, виконтесса выглядела настолько юной и очаровательной, что я, засмотревшись, не сразу понял смысл её слов.

– Вы прелестны, – сказал я, полагая, что меня просят оценить туалет.

– Разумеется, – ответила виконтесса несколько раздражённо, – но я не об этом. Мы с Мюзеттой вот уже битых полчаса пытаемся прикрепить ключик к поясу, но он не держится. Попробуйте вы. Может, у вас получится.

– Ключик? К поясу? – удивился я.

– Ну да. К поясу. Видите, в поясе есть специальное отверстие. Возьмите у Мюзетты ключик и попробуйте продеть его в отверстие. Нужно закрепить его там, но так, чтобы он был хорошо виден и в то же время не мог выпасть.

– Но зачем? – я никак не мог взять в толк, чего она добивается.

– Затем, что этот костюм называется «механическая кукла», а раз это механическая кукла, то у неё должен из спины торчать ключ. Я понятно объясняю?

– Теперь понятно, – ответил я и принялся за работу.

С грехом пополам мне удалось закрепить ключик на поясе. Достаточно ли надёжно – этого мне не суждено было выяснить.

– Еще пять минут, и я буду готова. Вы можете подождать меня в гостиной, – милостиво разрешила виконтесса.

Я прошёл в гостиную и, устроившись на диване, приготовился к долгому ожиданию. Однако хозяйка дома меня удивила: не прошло и получаса, как она появилась в дверях гостиной. Она была в высоком голубом парике, но без маски. Ее заменял умело наложенный грим, придававший её кукольной мордашке ещё большее сходство с куклой. Нужно отдать ей долж-

ное: костюм эта мышка действительно выбрала подходящий. Рядом с ней я показался себе ещё более неловким, а мой костюм – старым и пропылённым, каким он, в сущности, и был.

Впрочем, вскоре я убедился, что моя собственная персона заинтересовала виконтессу меньше всего. Стоило нам войти в бальную залу, как ветреная красавица куда-то упорхнула, и я остался совсем один в окружении веселящихся масок. Не знаю почему, но безудержное веселье других мышей неизменно вызывает у меня чувство скуки. Я с горестью подумал о том, что мог бы провести этот вечер в шахматном клубе в компании моего хорошего приятеля комиссара Лимьера, и пришёл в ещё большее уныние. Не развеял мою тоску и бокал белого вина, поднесённый мне услужливым официантом.

«Может быть, ещё не поздно присоединиться к комиссару», – подумал я, доставая из потайного кармашка, вшитого в панталоны по моей просьбе, часы на золотой цепочке.

Здесь надо заметить, что эти часы были предметом моей особой гордости. Я приобрёл их всего за две недели до описываемых событий и еще не устал радоваться покупке, как мышонки не могут нарадоваться новой игрушке. Я вынимал их из кармана по нескольку раз в день, чтобы лишний раз полюбоваться движением крошечных механизмов, которые были хорошо видны сквозь стеклянное окошечко в основании часов, или, надавив верхнюю пуговку, прислушивался к мелодичному звону, с которым отскакивала инкрустированная перламутром крышечка.

Нет нужды говорить, что карманные часы не были частью экипировки королевского мышкетёра, и прихватил я их лишь потому, что не хотел с ними расставаться. Тогда я ещё не знал, что этим часам предстоит сыграть определённую роль если не в моей судьбе (сказать так было бы преувеличением), то во всяком случае в моей благоустроенности.

Сейчас они показывали без пяти одиннадцать. «Слишком поздно, – подумал я. – Комиссар, если ещё не ушёл, то собирается уходить». Комиссар Лимьер действительно не имел обыкновения засиживаться допоздна в клубе, разве что когда хотел обсудить со мной какое-нибудь очередное преступление, поставившее в тупик полицию.

Я еще раз обвёл взглядом зал в надежде увидеть знакомое лицо или что-нибудь, что могло бы скрасить или оправдать моё пребывание в этом душном помещении. Например, кинжал, внезапно блеснувший в лапе одного из танцоров. Кстати сказать, убийство среди шумного бала не такая уж большая редкость. Однажды я сам был свидетелем необыкновенного преступления: прекрасная мышка была задушена в объятиях партнёра в буквальном смысле слова, причём никто из присутствующих даже не заподозрил, что парочка не просто танцует.

Как я ни старался, я не заметил ничего подозрительного. Зато я увидел свою изменчивую спутницу, развлекающуюся в компании барона Альметте, замечательного танцора и балагура. Как раз закончился очередной танец, и я решил воспользоваться случаем, чтобы напомнить весёлой вдове о моём существовании.

Увидев меня, вдовушка удивлённо заморгала своими длинными ресницами: как я и предполагал, она и думать про меня забыла.

– Замечательный вечер, не правда ли, граф? – спросила она невинно.

Я не устаю поражаться способности некоторых прелестниц делать вид, будто ничего не происходит, но виконтесса превзошла всех известных мне притворщиц. Сейчас она казалась воплощением наивности и простодушия. Мне ничего не оставалось, как согласиться с ней.

– Да, маскарад действительно удался, – сказал я и добавил, поклоном приветствуя её спутника: – Самое главное, вы не скучаете, прекрасная виконтесса. Поэтому, я надеюсь, вы не станете возражать, если я вас покину. У меня возникло одно неотложное дело. Свою карету я оставляю в ваше распоряжение. Она отвезёт вас домой, когда вы пожелаете.

Виконтесса не возражала. Более того, она даже не выказала никакого сожаления по поводу моего внезапного отъезда, что меня немного задело. Мне казалось, что я заслужил

несколько слов благодарности хотя бы за то, что помог ей с ключиком. Возможно, я бы их услышал, но тут оркестр заиграл вальс, и парочка унеслась прочь.

«Тем лучше, – успокоил я своё задетое самолюбие. – Зато теперь я свободен и могу делать то, что мне по душе, а по душе мне отправиться домой и устроиться на диване с хорошей книгой и тарелочкой моего любимого грюйера».

Оказавшись снаружи, я не без облегчения вдохнул свежий ночной воздух.

– Чью карету прикажете подать? – прервал мои дыхательные упражнения дежуривший у входа лакей.

– Я сегодня без кареты, – ответил я, не вдаваясь в подробности. – Меня устроит любой свободный экипаж.

– Считайте, что вам повезло, сударь. Вон тот экипаж уже с полчаса поджидает седока, – и, не дожидаясь моего ответа, лакей окликнул кучера фиакра, стоявшего неподалёку с зажжёнными фонарями:

– Эй, приятель! Вот твой пассажир.

Потом спросил, обращаясь ко мне:

– Куда прикажете вас отвезти?

Я назвал адрес, и он передал его вознице.

Через пять минут мы уже выезжали из ворот особняка. В дороге я задремал, видимо, под действием вина, выпитого на голодный желудок, и проснулся лишь когда фиакр внезапно остановился.

– Выходите, сударь. Приехали, – услышал я низкий голос.

– Сколько с меня? – спросил я, соскочив с подножки экипажа и приближаясь к вознице, но тот, вместо того чтобы ответить, хлестнул лошадей и пустил их крупной рысью. Что ни говори, поведение довольно странное для мыши, занимающейся извозом.

Какое-то время я стоял, недоуменно глядя вслед быстро удаляющемуся фиакру; потом, пожав плечами, направился ко входу в дом, нащупывая в кармане ключ от входной двери. Я не рассчитывал вернуться так скоро и потому взял ключ с собой, чтобы не будить прислугу, которая ложится рано.

Поднявшись по ступенькам, я нащупал замок (после того, как экипаж отъехал, на улице вдруг стало совсем темно) и привычным жестом вставил ключ в замочную скважину. Ключ кое-как вошёл в отверстие, но отчего-то не хотел поворачиваться. Я повторил попытку, однако замок не поддавался. Тогда я взялся за дверное кольцо и постучал в надежде, что кто-то из домочадцев услышит меня. В ответ – ни шороха. Дом стоял, погружённый во мрак. Я постучал сильнее.

– Ну кто там ещё стучит? – услышал я недовольный голос за моей спиной. – Вы что, не видите, что дверь опечатана?

Я повернулся и разглядел в окне дома напротив нечёткий силуэт, который при ближайшем рассмотрении оказался пожилой мышкой в чепчике и ночной сорочке. Очевидно, мой стук поднял её с постели.

– Как, опечатана? – спросил я, подходя поближе. Я ровным счётом ничего не понимал.

– Как, как? – проскрипела соседка. – А вот так. Пришли, да опечатали.

– Но почему?

– А я почём знаю?

– Но как же теперь попасть в дом?

– А что ты там забыл? Твои дружки уже были здесь часа три назад, да так ни с чем и ушли. Шёл бы и ты отсюда, нечего зря тревожить мирных граждан.

Меня она явно не узнавала, да и мне показалось, что эту мышку я никогда раньше не видел. Хотя, по правде говоря, я мало обращал внимания на челядь своего соседа, графа Стилттона, а, если судить по манере общения, моя собеседница, скорее всего, была из прислуги.

- Мои дружки? – переспросил я. Недоумение моё росло.
 - Ну, дружки не дружки, но на них были такие же плащи.
 - Вы хотите сказать, что дом пуст? – спросил я, не придав значения последнему замечанию.
 - Как амбар церковной мыши.
 - А слуги? Там же полно слуг.
 - Про чужих слуг ничего не знаю. Они передо мной не отчитываются. Наверное, разбежались кто куда. Как только хозяина забрали, они все и убралась от греха подальше.
 - Забрали? Как, забрали?
 - Вот заладил! Все как, да как! А то не знаешь, как забирают. Сажают в чёрный фургон и везут в ближайшую каталажку, а, может, и ещё куда подальше. Будешь здесь шляться, и тебя увезут. Времена-то нынче беспокойные. И вообще, мне давно спать пора, – и она захлопнула окно.
- Я остался один на тёмной улице.

Глава вторая,

в которой я вынужден спасаться бегством

Я терялся в догадках. Что бы всё это могло значить? Может быть, извозчик просто-напросто ошибся улицей?

Я вновь поднялся по ступенькам и задрал голову, чтобы рассмотреть лепнину, украшавшую портал. Мои глаза уже успели привыкнуть к темноте, и я узнал свой собственный герб в центре развёрнутого лепного свитка. Сомнения не было: это был мой дом. Да и тьма вокруг уже не казалась мне такой кромешной. Я довольно чётко различал очертания соседних домов, и они показались мне достаточно привычными.

«А что если соседка из окна напротив просто решила меня разыграть? – подумал я. – Отомстить мне из вредности? За то, что я своим стуком нарушил её сон?»

Эта мысль меня несколько приободрила. И тут я вспомнил о чёрном ходе, который ведёт из кухни на соседнюю улицу. Я сам нередко пользовался им, когда мне нужно было незаметно ускользнуть из дому. «Стоит попытаться там. Если повезёт, дверь может оказаться незапертой», – решил я и направился вниз по улице.

Переулок, соединявший две параллельные улицы, был там, где ему положено было быть, – ещё одно радостное обстоятельство, подтверждавшее мою догадку относительно вредности некоторых пожилых особ. Нужную дверь я тоже отыскал без труда. Однако в остальном меня опять ждала неудача: дверь чёрного хода оказалась запертой, и мой ключ к ней не подошёл, что, впрочем, было неудивительно, поскольку это был ключ от парадного входа. Стучать было бесполезно. Вряд ли кто-то мог находиться на кухне в столь поздний час. Оставались окна спален. Спальня Марселя была на втором этаже, рядом с моей, но ведь были и другие слуги. Я оглядел фасад, выбирая, в какое окно постучать, и только тут заметил, что все окна на первом этаже имеют ставни – те самые ставни, которые я велел снять, когда стал постоянно жить в этом доме. Сейчас все ставни были закрыты, окна второго этажа тоже зияли чернотой, отчего дом казался вымершим.

Какое-то время я стоял, совершенно потерянный. В голову лезли самые невероятные мысли, и, чтобы как-то отогнать их, я решил подумать о чём-нибудь более приятном, например, о еде, и у меня тут же засосало под ложечкой. Я вспомнил, что где-то неподалёку должна находиться небольшая пиццерия, работающая допоздна. Её основными посетителями были грузчики с набережной – как раз тот контингент, что надо. В более шикарном заведении я в своём странном наряде, скорее всего, не прошёл бы фейс-контроль.

Пиццерию я отыскал не сразу. Видимо оттого, что хозяин сменил вывеску. Теперь заведение называлось «У лягушачьего болота». Я толкнул тяжёлую дверь. (Никакого швейцара в этом заведении и в помине не было). Едва я сделал шаг внутрь, как меня чуть не сбил с ног тяжёлый аромат жареного мяса. «Очевидно, здесь вместе с названием сменили и меню», – подумал я. Интерьер тоже был довольно необычным. Часть помещения занимал огромный очаг, в котором на вертелах жарились мясные тушки. Пламя от очага освещало центр комнаты, оставляя углы в полумраке. Дополнительного освещения не было. Посетителей было немного. За самым дальним столиком я заметил двух влюблённых, которые миловались, не обращая внимания на разместившуюся неподалёку шумную компанию из шести мышей. Я заметил, что все они были в головных уборах, до удивления похожих на мой. Видимо, чёрные шляпы с белыми перьями опять входили в моду.

Я облюбовал себе столик в другом конце зала, поближе к официантке в белом фартуке и чепце. Та как раз обслуживала троих господ, на головах которых красовались такие же чёрные шляпы. Вели себя эти господа (если это слово вообще применимо к субъектам подобного

рода) довольно развязно: бросали обглоданные кости прямо на пол, чертыхались и смеялись громче, чем того допускают приличия, – не иначе, как над какими-то не совсем пристойными комплиментами, которые один из них, здоровенный детина ростом с взрослую крысу, отвешивал пышногрудой официантке. Последняя не столько обслуживала их, сколько старалась увернуться от простёртых к ней лап.

Понимая, что официантки мне не дождаться, я привстал, чтобы привлечь к себе внимание другого официанта или самого хозяина, который колдовал над вертелами. Но тот меня уже заметил и сделал знак, что сейчас подойдёт. И действительно, через несколько минут передо мной уже стояли бутылка вина и не очень чистый стакан. Я взглянул на этикетку: «Бургундское. Урожай 6709 года».¹ Вот так-так! Уж чего-чего, но я никак не ожидал, что в этом третьеразрядном заведении такие хорошие погреба. Такого старого вина я не пробовал никогда в жизни. Я взглянул на хозяина, не скрывая удивления:

– Кажется, вас можно поздравить. Вашим погребам может позавидовать сам король.

Хозяин поклонился:

– Всегда к вашим услугам.

В этот момент верзила за соседним столом привлёк к себе официантку и силой усадил себе на колени. Мышка пыталась высвободиться, да где там!

– Вам не кажется, что эти господа ведут себя слишком вольно? – спросил я хозяина.

– Вольно? Да полноте! Они все себя так ведут, – ответил он, даже не взглянув в сторону обладателей дурных манер.

– Но девушке это, кажется, не нравится.

– Вам-то что за дело? Ну, потискают они её немного, её от этого не убудет. Зато эти господа отменно платят. Вы вот лучше скажите мне, какой соус подать к лягушачьим лапкам? Могу предложить бешамель, провансаль или, может быть, господин предпочитает тартар?

– Всё равно, – ответил я. – Принесите что-нибудь на ваше усмотрение.

Как только хозяин удалился, притихшая на время официантка предприняла ещё одну отчаянную попытку вырваться из объятий своего обольстителя.

– Пустите, сударь! Ну пустите же! – услышал я её умоляющий голос.

– Не раньше, чем ты меня поцелуешь, моя красавица, – ответил верзила, запуская свои длинные усищи в её декольте.

Двое его приятелей, как ни в чём не бывало, продолжали потягивать вино. Их кривые усмешки говорили о том, что ситуация их немало забавляет.

Решив, что кто-то должен урезонить хулигана, я поднялся и сделал несколько шагов по направлению к весёлой компании.

– Немедленно отпустите девушку, сударь, – сказал я, едва сдерживая гнев.

Верзила поднял голову. Я видел, как менялось выражение его лица по мере того, как до него доходил смысл моих слов. Лапы его разжались, и он, стряхнув с колен девицу, начал медленно приподниматься со стула, опираясь лапами о стол, уставленный пустыми бутылками.

– А это ещё что за букашка? – спросил он, наставляя на меня свои страшные усищи длиной с абордажную саблю.

Клянусь семью святыми мышами, вторых таких усов я не встречал за всю свою жизнь. Я невольно сделал шаг назад, как будто мой грозный противник действительно мог проколоть меня ими.

– В самом деле, кто вы такой, сударь, и по какому праву вы вмешиваетесь? – подал голос один из приятелей верзилы, вставая из-за стола.

¹ Даты указываются в мышинном летоисчислении. – *Примечание переводчика с мышинного.*

Он доставал своему другу до плеча, но, тем не менее, тоже выглядел довольно воинственно. Только теперь я обратил внимание, что на моих противниках были не только такие же шляпы, что и у меня, но и такие же мундиры и ботфорты.

Я назвал своё подлинное имя и титул, добавив, что я целиком и полностью к услугам своих новых знакомых.

Услышав моё имя, приятели недоуменно переглянулись.

– С кем имею честь? – спросил я в свою очередь.

– В гвардии Его Величества меня знают под именем Фромаж, – вежливо ответил второй мышкетёр, – а это мои друзья, Сассенаж, – он указал на верзилу, – и Шабишу.

Мы вежливо поклонились друг другу.

Тут я заметил, что в комнате вдруг стало как-то непривычно тихо. Слышно было лишь как потрескивают дрова под вертелами. Потом раздался звук отодвигаемых стульев, за которым последовал стук каблуков по каменному полу.

– Граф N? – спросил вежливый голос за моей спиной.

Я обернулся и узнал одного из господ, кутивших в компании товарищей в противоположном конце комнаты. На нем тоже был костюм королевского мышкетёра, однако я успел отметить про себя, что его мундир был обшит не золотыми, а серебряными галунами.

– Он самый, – ответил я, не переставая удивляться.

– В таком случае пожалуйста вашу шпагу, сударь. Именем короля, вы арестованы.

Это было сказано таким тоном, что я невольно потянулся за шпагой, чтобы выполнить полученный приказ. Но тут неожиданно вмешался Фромаж.

– Боюсь, что вы опоздали, Бофор, – сказал он с ухмылкой. – Мы первыми заметили Его Светлость и, следовательно, право ареста принадлежит нам. Мы сами препроводим его в тюрьму.

– Вы блефуете, Фромаж, – ответил тот, которого назвали Бофором. – У вас нет разрешения на арест беглого преступника, потому что это разрешение у меня, и я получил его из лап самого короля. Потому отойдите в сторону и не мешайте отправлению правосудия.

– С разрешением или нет, но так просто мы вам его не отдадим, – сказал Фромаж, обнажая шпагу. Настоящую.

Его товарищи последовали его примеру.

– Господа, господа! – раздался умоляющий голос хозяина заведения. – Пожалуйста, только не здесь. Если вы надумали выяснять отношения, хотя бы выйдите на улицу.

Но его никто не слушал. Тогда обладатель коллекционного бургундского переключил своё внимание на меня.

– Не угодно ли Вашей Светлости заплатить за вино прежде, чем вас арестуют? Я понимаю, вы не успели его попробовать, но ведь бутылка-то уже откупорена.

Видя, что я не реагирую – мои глаза были прикованы к участникам предстоящего поединка, причиной которого была моя скромная персона, – он молитвенно воздел лапки к прокопчённому потолку и запричитал: «Сжальтесь над бедным трактирщиком!», но тут его оттеснил верзила Сассенаж.

– Бегите, граф, спасайтесь! – протрубил он мне на ухо. – Мы их задержим.

От такого неожиданного поворота дела я совершенно опешил. По-своему истолковав мою нерешительность, гигант, прикрывая меня своим мощным торсом, стал подпихивать меня по направлению к двери.

– А вино? Кто заплатит мне за вино? – продолжал хныкать хозяин, бросаясь за нами вслед.

Я сунул лапу в карман и, нащупав там несколько монет, не глядя, швырнул их владельцу трактира. В следующий момент я почувствовал, что лечу. Это Сассенаж, решив придать мне

ускорение, легонько пнул меня пониже спины. Но, видимо, он не рассчитал свою силу, потому что я, не удержавшись на ногах, приземлился на булыжную мостовую.

– Скорее же, чёрт вас побери! – услышал я за спиной громopodobный голос.

Поднимаясь, я краем глаза успел заметить огромную фигуру Сассенажа, яростно парирующего удары троих мышкетёров, которым он пытался преградить путь. На долю господ Фромажа и Шабишу оставались ещё трое. Помочь я им ничем не мог, поэтому, недолго думая, припустил в направлении, заданном мне пинком. В этот момент я знал только одно: меня собираются арестовать, и я должен бежать. Кому я не угодил и в чём провинился, – все эти вопросы я отложил на потом.

Глава третья,

в которой беглец и его преследователи становятся жертвами географии

Пробежав с мышиную милю, я вдруг довольно отчётливо услышал за спиной топот нескольких пар ног. Видимо, моим противникам удалось прорвать оборону. К стуку каблуков примешивался ещё какой-то звук, который я, как ни старался, не мог распознать. Как позже оказалось, это стучали патроны, висевшие на перевязи у мышкетёра. Я прибавил ходу.

Всегда довольно ярко освещённые улицы центральной части города были намного темнее обычного, и я то и дело натёкался на выпирающий угол дома или попадал ногой в рытвину, которых на дороге было великое множество. Раз или два я чуть не растянулся на земле, поскользнувшись об обглоданную кость, – остаток пиршества бродячего кота или собаки. Темнота ли была тому виной или состояние, в котором я пребывал, но я не узнавал улиц, по которым бежал. А мне-то казалось, что я знаю эту часть города, если не как свои пять пальцев, то достаточно хорошо, чтобы не заблудиться. Некоторые улицы заканчивались тупиками, и тогда мне приходилось поворачивать назад, рискуя натолкнуться на своих преследователей. В одном из таких тупиков я обнаружил кучу мусора и присоединил к ней свой слишком приметный плащ и шпагу, от которой всё равно не было никакого проку. После этого бежать стало сравнительно легче. Я бы с удовольствием избавился бы и от тяжёлых ботфорт, но удержался от искушения, представив себе, что могу по щиколотку увязнуть в зловонной жиже, которая ручейками растекалась по тротуару, заканчивая свой путь в ещё более зловонной сточной канаве, окаймлявшей проезжую часть.

Вдруг прямо передо мной вынырнул из темноты мрачный силуэт огромного здания. Очертания здания показались мне знакомыми. Плутая по лабиринту столичных улочек, я вышел к площади Сент Агюр, известной тем, что на ней располагался дворец кардинала. Я узнал его высокий портал, освещённый двумя факелами в каменных розетках.

Едва я успел сориентироваться, как меня остановил грозный окрик:

– Стой! Кто идет?

Из темноты материализовались две фигуры. Их можно было бы принять за фигуры мышей, если бы не их огромный рост. «Лейб-гвардейцы кардинала Монтаньола!» – подумал я. И похолодел.

Те из читателей, кто хорошо знаком с историей Мышиного королевства, уже, наверное, догадались, чего я так испугался. Дело в том, что в лейб-гвардии кардинала Монтаньола служили не мыши, а крысы! Кардинал любил шокировать своих недругов и недоброжелателей (каковых у него, к слову сказать, было немало) тем, что появлялся повсюду в окружении дюжины лейб-гвардейцев, которых сам лично тщательно подбирал исключительно из крыс – шаг, говоривший не только об изобретательности этого хитреца из хитрецов, но и свидетельствующий о его необычайном мужестве.² Нет нужды говорить, что мало кто осмеливался вступать в спор с Его Преосвященством. Утверждают, что даже сам король его побаивался. Преемник кардинала Монтаньола, кардинал Мураццано, во многом продолжил политическую линию, взятую его предшественником, кроме одного: он упразднил вселявшую ужас гвардию, заменив её на традиционную мышиную.

Возникает вопрос: как я, мышь, обитающая во второй половине 16-го тысячелетия, мог оказаться лицом к лицу с кардиналом времён Мауса XIII? Однако в тот момент эта проблема

² Лейб-гвардейцев кардинала Монтаньола можно увидеть во всем их устрашающем великолепии на полотне великого Мурбранда «Ночной дозор». – *Примечание автора.*

занимала меня меньше всего. Объятый ужасом, я думал только о том, как бы мне выбраться живым из новой переделки.

Но я был не единственным, кто попал в переплёт. Усилившийся стук каблуков напомнил мне о мышкетёрах, посланных за мной вдогонку Бофором. Внезапно стук оборвался, и я услышал, как за моей спиной кто-то чертыхнулся:

– Три тысячи чертей! Кажется, мы влипли.

Мои преследователи, охваченные азартом погони, тоже, видимо, не очень хорошо представляли себе, куда именно они бегут, и оказались удивлены не меньше моего. Сам того не желая, я завлёл их в ловушку.

Здесь следует заметить, что дуэли и драки между королевскими мышкетёрами и гвардейцами кардинала были в те времена строжайше запрещены, а их зачинщики подвергались суровому наказанию вплоть до заключения в страшную тюрьму на Кошачьей горе. В то же время избежать столкновений было невозможно, но лейб-гвардейцам кардинала, которые превосходили прямодушных мышкетёров короля в хитрости и коварстве, почти всегда удавалось выходить сухими из воды, хотя в большинстве случаев именно их нестерпимо наглое и вызывающее поведение служило поводом для ссоры. Совершенно очевидно, что во время таких стычек мыши терпели гораздо большие потери, поскольку перевес силы был на стороне противника. Поэтому, чтобы свести случайные драки к минимуму, мышкетёры короля старались не лезть на рожон и держаться подальше от дворца кардинала, если у них не было специального предписания.

– Смотри-ка, Рэтклифф, какие смельчаки к нам пожаловали, – сказала одна из крыс, обнажая свои огромные зубы в хитром оскале.

– Заблудились, наверное, – в тон своему товарищу ответил тот, кого звали Рэтклиффом.

– Или пришли шпионить. Мне лично это последнее предположение нравится гораздо больше. А тебе?

– Мне тоже. Оно даёт нам основание для ареста, так ведь, Рэтфорд?

– Совершенно верно, – согласился последний и, обращаясь к нам, сказал с преувеличенной вежливостью: – Прошу вас отдать нам свои шпаги, господа, и следовать за нами. Мы арестовываем вас по обвинению в шпионаже.

– И не подумаем! – подал голос один из моих преследователей.

– А подумать стоит, – ответил Рэтфорд.

Это были золотые слова, и я решил принять их как руководство к действию. Я быстро оценил ситуацию и, пока гвардейцы и мышкетёры препирались, юркнул в просвет между широко расставленными задними лапами Рэтклиффа. Как впоследствии оказалось, моя интуиция подсказала мне удачный манёвр. Суть его заключалась в том, чтобы бежать не назад, а вперёд, по направлению ко дворцу, а оттуда – в одну из многочисленных боковых улочек, берущих начало у площади Сент Агюр. Крысы, не подозревавшие об истинном положении вещей и не ожидавшие от меня такой прыти, так и застыли в удивлении, в то же время преграждая путь моим преследователям.

Воспользовавшись замешательством с обеих сторон, я бросился бежать со скоростью, на которую только были способны мои нагруженные ноги.

Глава четвертая,

в которой я нахожу прибежище в более чем странной компании

Минут через десять я позволил себе остановиться и перевести дух. Бег на длинные дистанции был явно не моим видом спорта. Ноги мои гудели, в боку кололо, в груди стоял кол. Я поискал глазами какое-нибудь укромное местечко, где можно было бы затаиться на время и немного отдышаться. Но дома стояли плотной стеной, соприкасаясь не только крышами, но и стенами. Как назло, ни одной подворотни, ни одного тёмного полуподвала, выходящего на улицу. Мне ничего не оставалось, как продолжить путь. Пока звуков погони не было слышно, но это не означало, что я в безопасности. Я не знал, что именно происходит, поэтому вполне допускал, что мышкетёры и гвардейцы могли договориться меж собой (наличие общего врага сближает), и тогда мне пришлось бы иметь дело не с тремя, а с пятью вооружёнными до зубов преследователями.

Собрав последние силы, я побежал по пустынной улице, мимо темных окон, за которыми мирно посапывали мыши и мышки, ни сном ни духом не ведая о разыгрывающейся за их окнами драме и даже не подозревая о моем существовании.

Однако улица, освещённая лишь пепельным светом луны, была далеко не так пустынна, как я полагал. В одной из ниш я краем глаза успел заметить притаившуюся фигуру, которую можно было принять за поджидавшего случайную жертву грабителя. Но если это и было так, моя персона его не заинтересовала. В другой раз мне показалось, что я слышу приглушённые голоса. Я уже почти добежал до конца улицы, как вдруг от одной из стен отделилась длинная тень. Судя по очертаниям, это была особа женского пола. Двигалась она свободно, даже несколько развязно, отчего я поначалу решил, что передо мной представительница самой древней женской профессии.

– Куда торопишься, красавчик? – спросила мышка, преграждая мне путь. – Притормози на минутку, и я поведаю тебе о том, чего ты не знаешь. Всё расскажу: и что было, и что ждёт тебя впереди.

Я невольно остановился, привлечённый её странными словами. Мне вдруг показалось, что вот сейчас я действительно получу ответ на вопросы, подспудно терзавшие моё сознание вот уже несколько часов. Но тут она сказала: «Но сначала позолоти лапку», и я понял, что ошибся. Передо мной была самая обыкновенная цыганка.

– Если я не поспешу, то впереди у меня уже ничего не будет, – пропыхтел я, с трудом выговаривая слова.

– За тобой кто-то гонится? – догадалась цыганка.

– Да. Двое гвардейцев кардинала и три мышкетёра.

Цыганка недоверчиво оглядела меня с ног до головы. Видимо, её несколько смутил мой мышкетёрский камзол. Но, подумав немного, она сказала:

– Так и быть. Идём со мной.

– Куда? – не понял я.

– Ты ведь не хочешь, чтобы тебя поймали?

– Нет.

– Ну так идём.

И, не дожидаясь моего ответа, она пошла вперёд, уверенная в том, что я последую за ней.

«Была не была! – подумал я. – Лучше принять участь, уготовленную мне прекрасной дамой (я забыл упомянуть, что цыганка была молода и красива), чем быть пленённым мышкетёрами короля», – и побрёл вслед за удаляющейся стройной фигуркой. Силы мои были на

исходе, и теперь, когда спасение казалось совсем близко, я вдруг почувствовал смертельную усталость.

В конце улицы цыганка остановилась, поджидая, пока я её догоню.

– Уже недалеко, – сказала она, видя, что я едва переставляю ноги, и желая меня подбодрить. – Через пять минут мы будем на месте.

Мы свернули на боковую улочку и вскоре вышли на небольшую площадь, носившую название Площадь старьёвщиков.³ Посреди площади, кто сидя, кто полулёжа, грелись подле большого костра около дюжины мышей и мышек, в которых я без труда распознал соотечественников моей провожатой. Неподалёку стояли две крытые брезентом повозки. Как выяснилось позже, в них спала детвора. Цыгане что-то обсуждали меж собой на им одним понятном наречии. До моего уха долетели несколько фраз, смысла которых я не смог разобрать. При нашем приближении гомон голосов смолк, и все головы повернулись в нашу сторону.

– Его нужно спрятать, – сказала моя спутница, обращаясь ко всем сразу. – За ним гонятся.

Какое-то время цыгане с молчаливым интересом рассматривали меня, потом один из них, старик с изборождённым морщинами, обветренным лицом, сказал:

– Ну, надо так надо. Займись им, Манана.

Сидевшая рядом с ним немолодая цыганка, кряхтя, поднялась с места и подошла ко мне. Оглядев меня сверху донизу оценивающим взглядом свахи, она бросила коротко:

– Снимай камзол.

«Значит, все-таки будут грабить», – подумал я. Денег при мне не было. Несколько крон, которые я прихватил с собой на всякий случай, отправляясь на маскарад, я оставил трактирщику, зато в потайном кармашке панталон у меня были дорогие моему сердцу новые часы.

– Делай, что она говорит, – поторопила меня моя недавняя спутница.

Мне ничего не оставалось, как повиноваться. Я чувствовал себя слишком разбитым, чтобы оказывать сопротивление. Сняв камзол, я вручил его старухе.

– Наденешь вот это, – сказала она, передавая мне нечто вроде телогрейки, которую по её знаку снял с себя один из цыган.

Теперь я уже ничего не понимал. Всё так же безропотно я напялил на себя засаленную телогрейку, которая была настолько старой, что вата в ней свалаялась и местами вздымалась жёсткими бугорками. Один такой бугорок оказался прямо на уровне моей груди. «Во всяком случае, они не хотят, чтобы я умер от холода в одной рубашке», – подумал я с безразличием мыши, смилившейся со своей участью.

– Сядь сюда, – продолжала грабительница, – и повернись лицом к свету.

Я выполнил и этот приказ.

Цыганка опустила передо мной на колени и, сняв с меня шляпу, отбросила её в сторону. Её тут же кто-то поднял. Потом, порывшись в своих бесчисленных юбках, вытащила из их недр небольшую жестяную коробочку.

– Теперь старайся не шевелиться, а то я нечаянно выколю тебе глаз. Лучше вообще закрой глаза. И не нужно так напрягаться. Расслабь лицевые мышцы. Не бойся, больно не будет. Чай, не к зубодёру пришёл, – сказала старуха и, видимо, скорчила при этом какую-то забавную мину, потому что все кругом рассмеялись. Не смеялся только я один.

– Доверься ей, – тихо сказала молодая цыганка, усаживаясь на землю подле меня. – Манана своё дело знает. Лучшего гримёра не сыскать во всём Маусвиле.⁴

«Так вот оно что! Гримёра! – подумал я. – Старая цыганка просто-напросто собирается изменить мою внешность!»

³ Сегодня это место известно под названием Старая площадь. – *Примечание автора.*

⁴ Маусвиль – название столицы мышиноного королевства. (*Примечание переводчика с мышиноного.*)

Значит, моя прекрасная спутница не обманула меня! Она действительно хотела мне помочь! Червь сомнения, не дававший мне покоя всё это время, уснул, и я с лёгким сердцем позволил цыганке произвести над моим лицом все необходимые манипуляции.

Моё мучение длилось минут пятнадцать, но наконец дело было сделано.

– Готово! – сказала старуха, отстраняясь, чтобы дать возможность остальным оценить её труд.

По всеобщей реакции я понял, что цыганка постаралась на славу.

– Да-а, теперь его и мама родная не узнает, – прокомментировал кто-то.

Я обратил своё новое лицо к моей юной спасительнице, чтобы услышать, что она скажет. Видимо, я повернулся слишком резко, потому что красавица неожиданно отпрянула от меня.

– Что-то не так? – спросил я.

– Нет, нет. Всё замечательно, – сказала она как-то чересчур поспешно. – Просто... просто немного непривычно.

– Теперь его выдают только ботфорты, – заметил старый цыган. – Надо, чтобы он снял и их тоже.

«Вот это я сделаю с превеликим удовольствием», – подумал я. Стащив непривычную обувь, я остался в одних носках.

– Смотрите, какие странные портянки, – сказала одна из цыганок, показывая на мои ступни.

– Это носки, – поправил её я.

Все стали разглядывать мои носки, словно перед ними был не обычный предмет мышинного гардероба, а какая-то экзотическая птица.

– Странная штукавина, – прокомментировал кто-то. – Её даже обернуть-то толком нельзя.

– А она не обёртывается, а надевается на ногу.

Я снял один носок и показал, как его нужно надевать.

– Видите, как быстро? Очень удобная вещь.

Никто не стал со мной спорить, но мне показалось, что я их не убедил. Видимо, цыгане предпочитали одеваться по старинке.

Когда я вновь повернулся к своей прекрасной спутнице, она уже овладела собой, но чувствовала себя по-прежнему неловко и, чтобы сгладить ситуацию – другого объяснения я не нахожу, – предложила мне немного отдохнуть, положив голову ей на колени. Я не заставил просить себя дважды.

Так я лежал, любуясь игрой язычков пламени на монистах, украшавших её дивную шею, когда я вдруг услышал знакомый звук, чем-то напоминающий стук кастаньет. Сомнения быть не могло: это приближалась погоня.

– Это они, – сказал я, приподнимая голову и вглядываясь в темноту переулка, из которого должны были появиться мышкетёры, но моя спасительница ласковым и в то же время решительным жестом вернула мою голову себе на колени.

По тому, как внезапно напряглись её мышцы, я понял, что мышкетёры уже вышли на площадь.

– Сколько их? – спросил я.

– Трое, – ответила она шёпотом.

У меня немного отлегло от сердца. «Трое – это всё же лучше, чем пятеро, – подумал я, – потому что это означает, что гвардейцы кардинала остались охранять дворец».

Между тем незваные гости приблизились к костру.

– Мы ищем своего приятеля. Он назначил нам встречу на площади, но мы спяну забыли на какой, – то ли на Площади старьёвщиков, то ли на Площади оборвышей. Вы здесь никого

чужого не видели? – спросил один из них, ощупывая лица собравшихся вокруг костра мышшей испытующим взглядом инквизитора.

– Да вот же он! – воскликнула старая цыганка, показывая на меня костлявым пальцем – тем самым, которым всего несколько минут назад наносила грим на моё лицо.

Я непроизвольно втянул голову в плечи, но тут мышкетёр, бросив на меня беглый взгляд, громко рассмеялся и сказал:

– Ну и горазда ты шутить, старая! Смотри, когда-нибудь дошутишься! Скажи спасибо, что у меня есть чувство юмора, а то лишилась бы сейчас своего облезлого хвоста.

– А чем тебе не нравится мой избранник? – спросила моя прекрасная спасительница.

Мышкетёр ещё раз взглянул на меня, как мне показалось, с отвращением.

– И где ты только откопала этого уроды? Неужели не нашлось никого посимпатичней? – спросил он.

– Любовь слепа, – заметила одна из цыганок и прыснула.

– Причём на оба глаза, – вставил второй мышкетёр, и громко рассмеялся своей шутке.

– Представляю себе, что будет, если эта красotka вдруг прозреет, – сказал третий мышкетёр.

Они ещё какое-то время позубоскалили на мой счёт, потом первый мышкетёр сказал:

– Ну всё, повеселились и хватит. Нам пора. Вы посмотрели, что там под брезентом? – обратился он к своим товарищам.

– Только чумазая детвора, – ответил второй мышкетёр.

– Значит, он свернул в другой переулок. Теперь его и днём с огнём не сыщешь.

Прежде чем уйти, мышкетёр повернулся к моей спасительнице:

– Прощай, красавица! Жаль, служба зовёт. Но на тот случай, если вдруг прозреешь, запомни: моё имя Кабеку. Я из роты лейтенанта Бофора. Уверен, мы с тобой поладим.

Когда мышкетёры ушли, цыгане стали устраиваться на ночлег. Спали они тут же, на земле, подложив под голову свои нехитрые пожитки. Я примостился рядом с моей спасительницей. Уже засыпая, я вдруг вспомнил, что даже не знаю её имени, но не решился её беспокоить. «Я спрошу её об этом завтра», – подумал я и закрыл глаза.

Глава пятая,

в которой я знакомлюсь с Пройдохой Мишелем

Проснулся я от холода. Костер погас, а моя телогрейка оказалась недостаточно тёплой, чтобы уберечь меня от утренней свежести. Я приподнялся, чтобы размять затёкшие члены и только тут заметил, что у потухшего костра кроме меня никого нет. Пока я спал, цыган и след простыл. Здорово же я устал, если не услышал звука отъезжающих повозок. А я ведь даже не успел выразить признательность своим спасителям. Нужно будет непременно их отыскать и поблагодарить. Эти мыши выручили меня, не задав ни одного вопроса, даже не спросив, кто я такой. На этой мысли я загнулся. А и в самом деле: кто я такой? Если подумать, то господ Фромаж, Сассенаж и Шабишу имели на этот счёт гораздо более чёткое представление, причём они принимали меня явно не за того, кто я есть на самом деле. Тут было над чем поразмыслить.

Незнакомые улицы, тёмные и зловонные, одежда мышкетёров, какой не носят уже по меньшей мере полторы сотни лет, крысиная рота кардинала – всё это и многое другое, увиденное и услышанное мною в эту самую необычную ночь моей жизни, говорило о том, что со мной произошло нечто невероятное. Каким-то чудесным образом я попал в прошлое. Нет, мне, конечно, приходилось слышать о путешествиях во времени. С тех пор, как было открыто электричество, мечты о создании машины, с помощью которой можно перенестись в прошлое или в будущее, перешли из теоретической плоскости в плоскость практическую. И ведь что интересно: не все попытки оканчивались неудачей. Мне приходилось читать об экспериментаторах, исчезавших из наглухо запертых помещений, что могло быть свидетельством того, что эксперимент удался, во всяком случае, наполовину. Более того, я сам своими собственными глазами видел лабораторию, из которой таинственным образом исчез известный учёный-физик, и даже прикасался к изобретённому им аппарату. А что если я тоже стал нечаянной жертвой одного из таких экспериментов, этаким случайным побочным продуктом научных изысканий?

Впрочем, кто именно таким непостижимым образом вмешался в мою судьбу и как это произошло, было не суть важно, тем более что я, будучи абсолютным профаном в этом вопросе, всё равно не мог бы даже отдалённо представить себе, как работает машина времени. Поэтому я решил не тратить силы на бесполезное теоретизирование, а сосредоточиться на практической стороне дела, а именно решить, как мне быть дальше. Мой урчащий желудок подсказывал, что дальше нужно что-нибудь поесть, но как раздобыть еды, если в карманах гуляет ветер?

Стоило мне подумать о еде, как голод дал о себе знать ещё пуще прежнего. Я решил порыться в костре – не найдётся ли там кусочек запечённой картофелины? В тот момент я не побрезговал бы даже недоеденной корочкой хлеба, так я вдруг захотел есть.

Я обошёл вокруг костра, но ничего не нашёл. Поправлюсь: я не нашёл ничего съестного. Вернувшись в исходный пункт, я обнаружил рядом с тем местом, которое служило мне изголовьем, пару ещё вполне крепких сандалий. Не без удовольствия стащив носки, ставшие неприятно влажными от хождения по сырой земле, я сунул ноги в сандалии, которые, я не сомневался, заботливо оставила для меня моя прекрасная незнакомка. Сандалии были немного великоваты, но я не помню, чтобы я когда-либо в жизни так радовался новой паре обуви.

Теперь я был не только одет, но и обут, и мог отправляться на поиски пищи и крова. Хотя, вдруг подумал я, кров у меня как раз есть. Как я говорил, я уже успел догадаться, что меня принимали за одного из моих предков, который чем-то не угодил Его Величеству, причём вина его была настолько велика, что король отдал приказ о его аресте, а дом велел опечатать. Из чего следовало, что дом в данный момент пустует, а значит, готов принять нового хозяина. Не исключено, что в его кладовых даже найдётся что-нибудь съестное.

Приободрённый последней мыслью, я быстро зашагал в направлении, в котором, по моим представлениям, должен был находиться мой дом. О том, как я в него попаду, я пока не думал. Было бы желание, а способ найдётся.

На горизонте уже начали пробиваться бледные лучи зари. «Интересно, который теперь час?» – подумал я и машинально потянулся к кармашку. Но на полпути я вдруг отдернул лапу, испугавшись, что часов там может не оказаться. Ведь я как-никак провёл ночь в компании цыган, а они, я слышал, своего не упустят. Однако мои опасения оказались напрасны. Часы были на месте. Что ни говори, странные мне попались цыгане.

Я не без трепета нажал на пуговку часов (теперь это была единственная вещь, которая связывала меня с моим прошлым), и крышечка, скрывавшая циферблат, приподнялась с приятным звоном. Часы показывали половину шестого – время, когда жители мышиной столицы досматривают последние сны.

Но вот в конце улицы показался первый прохожий. Я обрадовался: возможно, он поможет мне сориентироваться. Однако, по мере того, как расстояние между нами сокращалось, я начал сомневаться, что мне удастся получить вразумительный ответ на свой вопрос. Судя по его неверной походке, движущийся мне навстречу субъект был мертвецки пьян. Видимо, он не так давно покинул одно из злчных мест, где можно кутить до утра, или, что более вероятно, провёл часть ночи в одной из придорожных канав. Об этом говорили совсем ещё свежие пятна грязи на его одежде. В то же время он не выглядел вконец опустившимся, и я решил попытаться счастья. Приблизившись к нему на безопасное расстояние – от парня так разило перегаром, смешанном с кислым запахом помоев, что хоть нос затыкай, – я сказал:

– Прошу прощения. Кажется, я немного заблудился...

Это было всё, что я успел вымолвить. Пьяница вдруг сделал огромные испуганные глаза и, выставив вперёд передние лапы, словно не желая, чтобы я приближался к нему, стал пятиться назад, приговаривая:

– Сгинь, сгинь, нечистая!

Потом вдруг рухнул передо мной на колени и стал умолять:

– Клянусь, больше ни капли не возьму в рот, только уйди! Обещаю: я буду самым примерным семьянином, буду заботиться о жене и детях, выносить помои, всегда буду трезв, как стёклышко. Только отпусти меня сейчас, пожалей заблудшую душу!

Позднее, размышляя над происшедшим, я пришёл к выводу, что любитель приложиться к бутылке, скорее всего, принял меня за порождение белой горячки. Но в тот момент, не понимая, чем я мог так напугать случайного прохожего, которого я и видел-то впервые в жизни, я растерялся и сказал, недоуменно пожимая плечами:

– Да разве я вас держу?

Ответом мне был стук подмёток о булыжную мостовую. Пьяница улепётывал со всех ног.

Недоуменно передёрнув плечами, я продолжил свой путь. Теперь, заметив издали прохожего, я старался не встречаться с ним взглядом, чтобы не видеть выражение страха или отвращения на его лице. Было ясно: помощи мне было ждать неоткуда, придётся положиться на своё умение ориентироваться в незнакомом городе, каким стал для меня Маусвиль. Едва я успел так подумать, как увидел прямо перед собой купол собора Семи святых мышей, искрящийся в первых лучах солнца. Это означало, что моим ночным странствиям пришёл конец. Теперь я уже не мог заблудиться.

Не прошло и получаса, как я стоял перед порталом своего особняка. Но вот беда: пока я бродил по городу, стало совсем светло, и мой первоначальный план, состоявший в том, чтобы вскарабкаться по водосточной трубе на крышу, а оттуда, выдавив стекло, через слуховое оконце пробраться во внутрь дома, оказался невыполнимым. Кто-нибудь мог увидеть меня из окна напротив и, приняв за грабителя, вызвать полицию. Да и на улице стало более оживлённо.

Обманутый в своих надеждах, я тяжело опустился на край тротуара напротив своего собственного дома, двери которого оказались для меня закрыты.

Из оцепенения меня вывел резкий звук. Что-то звякнуло о тротуар неподалёку от того места, где я сидел, погружённый в горькие раздумья. Присмотревшись, я увидел, что это монета в три шиллинга. «Видимо, обронил кто-то из прохожих», – подумал я и, подняв голову, увидел в нескольких шагах от себя удаляющуюся быстрым шагом мышку в чепце и грубых башмаках. Я хотел было окликнуть её, но в этот момент вновь послышалось уже знакомое мне звяканье, и на тротуар опять упала монета, на этот раз уже в пять шиллингов. Сделав несколько оборотов вокруг своей оси, она со звоном опустилась прямо передо мной. Будь я подогадливей, я бы уже тогда понял, что происходит. Но разве мог дворянин, представитель одного из древнейших родов Мышиного королевства догадаться, что ему подают милостыню! Видимо, в своей засаленной телогрейке, сандалиях на босу ногу и со скорбной миной на помятом лице я являл собой настолько жалкое зрелище, что исполнил жалостью и состраданием сердца окрестных жителей.

Вскоре у моих ног уже собралась небольшая кучка медных монет.

– Неплохой улов, однако, – услышал я насмешливый голос у себя над головой.

Взглянув вверх, я увидел ещё совсем молодую мышку в одеянии, состоящем из прорех и заплат. Последних было так много, что трудно было сказать, каков был изначальный цвет этого оригинального костюма. Живописный наряд моего собеседника дополняло некое подобие современного цилиндра, пара стоптанных башмаков и трость, на которую он сейчас опирался на манер скучающих лондонских денди: левая лапка на бедре, правая – на набалдашнике отведённой в сторону трости. Вообще надо сказать, что держался он с достоинством, всем своим видом говоря, что не одежда красит мышку.

Встретившись со мной взглядом, обладатель живописного костюма не отшатнулся и даже не поморщился, отчего сразу снискал моё расположение. Он чем-то напомнил мне Марсея, и я тяжело вздохнул, пожалев о том, что моего верного слуги нет сейчас со мной.

– Да, – ответил я, чтобы поддержать беседу. – Улов, кажется, неплохой.

– Но что-то ты не весел, приятель. Вижу, не умеешь ты радоваться жизни. Вон тебе как подфартило, а ты сидишь, темнее тучи. Может, пройдемся до ближайшей пивной, поднимем тебе настроение? Да и мне не мешало бы немного подлечиться. Голова раскалывается. И представляешь, что самое обидное? За весь вчерашний день я не выпил ни капли. Вечером попал в облаву, пришлось провести ночь в винной бочке на набережной. Вот и надыхался винных паров до одурения. Тебе никогда не приходилось ночевать в бочке из-под рома?

– Нет.

– Мне тоже раньше не приходилось. Знал бы, ни за что бы не полез. Пока сидишь, ещё ничего, но потом! Ну как, составишь мне компанию? Только чур ты платишь. У меня при себе ни шиллинга. Всё, что было, спустил вчера на одну красотку. А так я вообще-то на судьбу не жалею. Ну так как тебе моё предложение?

– Хорошее предложение, – ответил я, получив возможность наконец вставить словечко. – Как думаешь, здесь хватит на то, чтобы немного перекусить?

– Должно хватить. Ещё и останется. А если не хватит, то Магнолия нас накормит. Она там работает подавальщицей. Обслужит по первому разряду. Эта мышка ко мне равнодушна. Ну, и я к ней, соответственно.

Я поднялся.

– А деньги? – спросил мой новый знакомый, увидев, что я готов последовать за ним.

Я представил себя, подбирающим с земли милостыню, и сказал:

– Возьми их себе.

– Тебе что, не нужны деньги?

– Тебе они нужнее. У меня нет таких расходов, как у тебя.

– И то правда.

Он посмотрел на меня с жалостью, потом, дружески хлопнув по плечу, сказал:

– А ты классный парень. Знаешь, я как увидел тебя, так сразу и сказал себе: вот хороший парень. А то, что с виду неказист, так ведь в том не твоя вина. Главное в мышши – это внутреннее содержание, так ведь? Возьмем, к примеру, меня. Я ведь тоже вроде не красавец, а мышки проходу не дают. Устал отбиваться. А всё отчего? Оттого, что я добр, отзывчив и понимаю женскую душу, как никто другой. Но прости, я забыл отрекомендоваться, – он приподнял свой цилиндр. – Пройдоха Мишель собственной персоной. Может, слышал о таком?

Я сказал, что, к сожалению, не приходилось.

– А тебя как кличут? – спросил он, не дождавшись, пока я тоже представлюсь.

Я назвал ему своё имя.

– А по-нашему?

– Как это? – не понял я.

– Ну, по-нашему, по блавному. Прозвище-то у тебя есть? Ну, вот я, к примеру, Пройдоха, а ты?

– Случается, что меня величают графом, – ответил я, не придумав ничего лучше.

– Графом! – рассмеялся он. – Ну и умора! У кого-то явно нет проблем с чувством юмора!

Тут он спохватился и спросил:

– Ты не обиделся? Если я тебя обидел, то прости, не сдержался. Уж больно прозвище у тебя забавное. Но зато редкое, – добавил он, желая как-то загладить свою оплошность. – Ни с кем не спутаешь. И амплуа ты себе выбрал подходящее.

– Амплуа? – опять не понял я.

– Ну да, амплуа. Я хочу сказать, что та социальная роль, которую ты определил для себя, соответствует твоим внешним данным.

В этот момент в конце улицы появился небольшой отряд мышкетёров, среди которых я узнал своих ночных знакомых Бофора и Кабеку. Перед моим домом они замедлили шаг и стали внимательно осматривать окна и входную дверь.

– Печать не нарушена, – констатировал Бофор. – Значит, граф здесь не появлялся.

Тут Кабеку заметил меня.

– А-а, старый знакомый! Ты-то что здесь делаешь?

– Да вот, встретил приятеля.

– Ну-ну. Передавай привет своей невесте. До сих пор не пойму, что она в тебе нашла.

Бофор, заметив, что его мышкетёр с кем-то беседует, окинул меня беглым взглядом, и тут же отвернулся. Моя скромная персона его не заинтересовала.

«Бофор меня не узнал, а ведь он должен знать меня в лицо, – обрадовался я. – Видимо, старая цыганка и впрямь мастер своего дела». Я подумал, что сотворённый ею маскарад уже второй раз помог мне избежать ареста. И тут меня осенило. Внезапно я понял, что должен сделать, если не хочу, чтобы меня поймали. Нужно спрятаться на дне, смешаться с отребьем. Никому и в голову не придёт искать меня среди подонков общества. К тому же нужно как-то зарабатывать на жизнь. Одним словом, настало время поставить свой артистизм и свои умственные способности на службу себе самому. И в этом мне поможет Пройдоха Мишель.

– Ты не сказал мне, что у тебя есть невеста, – заметил мой новый знакомый, как и я, провожая глазами мышкетёров, которые скрылись в соседнем переулке.

– Не успел. Да и не невеста она мне вовсе. Так, случайная знакомая. Просто я так сказал, чтобы мышкетёр не приставал к девушке, а он поверил.

– А я-то уже собирался тебя поздравить.

– Может, когда-нибудь и поздравить, – сказал я. – Но если я сейчас чего-нибудь не съем, этот счастливый день никогда не наступит. Давай, веди уже меня к своей Магнолии.

К счастью, заведение оказалось неподалёку и было открыто. Через десять минут мы уже сидели за грубо сколоченным деревянным столом в небольшом помещении, насквозь пропахшем чесноком и зелёным сыром. Не скажу, что этот запах был мне неприятен. Скорее даже наоборот.

Прекрасной Магнолии нигде не было видно. Наконец она появилась из соседнего помещения, на ходу дожёывая кусок хлеба с толстым слоем масла. Признаюсь, я был несколько разочарован. Не знаю, кого я ожидал увидеть, но никак не толстенную бабёнку с ярко наруганными щеками и двойным подбородком.

– А-а, это опять ты, – пробурчала мышка, вытирая жирные лапки о грязный передник.

– Соскучилась по мне, малышка? – спросил Пройдоха, не обращая внимания на её тон, и ласково похлопал официантку пониже спины.

– Всю ночь не спала, только тебя и ждала. Все глаза выплакала, – съехидничала «малышка».

– Ну, не сердись. Не мог я вчера прийти. Обстоятельства помешали. Сегодня обязательно приду. Жди.

– Да пошёл ты!

– Ты что, не рада мне, любимая? – спросил Пройдоха Мишель вкрадчиво.

– Рада, не рада, – продолжала ворчать Магнолия. – Хорошо бы ещё один припёрся, а то урода какого-то с собой прихватил. Он мне тут всех клиентов перепугает.

– Да нет у вас никаких клиентов. Так что давай, одна задняя лапка здесь, другая там, принеси нам пивка.

– И чего-нибудь поесть, – осмелился вставить я.

– Поесть! Ну и наглость! – возмутилась официантка. – А расплачиваться чем будете? В кредит не дам!

– Обижает! – ухмыльнулся Пройдоха Мишель. – Вот смотри, – и высыпал на стол грудую монет, подобранных у моего дома.

– Ты что, ограбил нищего? – спросила официантка.

– Ну почему сразу ограбил? Может, я решил заняться коммерцией. И вообще, с какой стати ты учишь меня допрос? Вот выйдешь за меня замуж, тогда и будешь требовать от меня отчёта.

– Ты что, собираешься на ней жениться? – спросил я, когда официантка ушла, чтобы выполнить заказ.

– Это на Магнолии-то? Да Боже упаси! – воскликнул Пройдоха. – Это я просто так ей заливаю, чтобы была поговорчивей. Женитьба для меня – пройденный этап.

– Когда же ты успел жениться?

– Да вот, как видишь, успел. Подошло время, женился. Думал, все женятся, а я чем хуже? Но вскоре понял, что семейная жизнь не для меня, что я рождён для другой, вольной жизни. В один прекрасный день побросал кой-какие пожитки в котомку – и прости-прощай.

– Так ты, получается, и сейчас женат?

– Вроде как бы женат, но вроде как бы и холост.

Тут из кухни появилась Магнолия. Не знаю, слышала ли она последние слова Мишеля, но глаза её метали молнии. Она с грохотом поставила на стол две кружки пива, потом со словами «Горячего нет!» швырнула мне тарелку с бутербродами и заковыляла прочь. При этом она так резко взмахнула хвостиком, что чуть не смахнула бутерброды на пол. «А мышка-то с характером», – подумал я.

Мой новый знакомый оставил этот небольшой инцидент без внимания. Сдув пену с усов, он преспокойно вернулся к своему рассказу:

– Поначалу я мыкался, не привыкший к лишениям, но потом все как-то наладилось само собой. Сейчас я и не мыслю для себя другой жизни. Ну а ты, давно нищенствуешь?

– Да не так чтобы очень давно, – ответил я расплывчато. – Но скажу откровенно, это моё амплуа, как ты его называешь, мне не очень нравится.

– Ты хочешь его сменить?

– Да, хотелось бы.

– Это можно, но стоить будет недёшево. Наш король здорово дерёт за смену деятельности. Не так много, конечно, как Его Величество Маус XIII за придворные должности, но так ведь и возможности у бродяг другие. Ты уже решил, чем бы ты хотел промышлять? Нужно прикинуть заранее, потому что от этого зависит сумма первоначального взноса.

– А какие есть варианты? – спросил я.

– Ну, есть карманники, правда, тут нужен талант, не у всех получается. Есть фальшиво-монетчики, но с ними я тебе связываться не советую. Дело, конечно, прибыльное, но опасное. Если засветишься, пиши пропало. Сварят живьём в кипятке. Ещё есть мошенники и аферисты всех мастей и рангов. Работёнка непёстрая, но требует смекалки.

– Вот это мне, пожалуй, подойдёт, – сказал я, не долго думая.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением проговорил Пройдоха Мишель. – С твоей, мягко говоря, неординарной внешностью, не так просто будет втереться в доверие к другим мышам, а без этого их не облапошишь. Хотя, если подумать, умный нищий – это тоже своего рода аферист, а ты, судя по всему, парень не промах, раз сумел разжалобить столько народу. Глядишь, у тебя что-нибудь и получится, чем чёрт не шутит? Ты вот скажи лучше, у тебя есть знакомые при дворе?

– Не знаю. Раньше были, но с тех пор многое изменилось, – ответил я вполне искренне.

– Ну хорошо, так и быть. Замолвлю за тебя словечко. Нравишься ты мне. Есть в тебе какой-то внутренний шарм, скрытое обаяние.

– Ты кого-то знаешь при дворе Его Величества? – удивился я.

– Не кого-то, а самого главного лекаря. Правда, он не всегда был главным лекарем, я познакомился с ним ещё в его бытность учеником повара. Король приблизил его к себе после того, как мой приятель вылечил его от кишечных колик. У Его Величества часто бывали колики, чуть ли не после каждого приёма пищи, и он очень мучился, а придворные лекари, все как на подбор, оказались бестолочами. Ни один не мог облегчить его страдания. И тут вдруг наш поварёнок со своим отваром. Король выпил – и боль как лапой сняло. Так что, если мой приятель попросит для тебя аудиенции, ты её получишь. А дальше уж ты сам. Если понравится королю, то он может потребовать с тебя лишь часть суммы, принимая во внимание, что ты не так давно уже обращался за лицензией.

– За лицензией?

– Ну да. Ты ведь сам сказал, что открыл свой бизнес недавно.

– Да, – растерялся я, – но у меня нет лицензии. По правде говоря, я только вчера приехал в этот город и ещё не успел освоиться.

– Ну, тогда радуйся, что я повстречался на твоём пути раньше, чем сборщик податей. Иначе тебя бы уже не было в живых. С нарушителями закона у нас не церемонятся. Король воров и бродяг сам выносит приговор, сам же и приводит его в исполнение.

– Как же мне теперь быть? – спросил я.

– Ничего не изменилось. Моё предложение остаётся в силе. Только нам нужно будет поторопиться, пока кто-нибудь не настучал на тебя Безногому Майклу.

– А кто это, Безногий Майкл?

– По правде говоря, он такой же безногий, как я слепой, но это к делу не относится. Ты занимался незаконным бизнесом на подведомственной ему территории. Если старина Майкл про это прознает, то сразу поспешит с донесением на улицу Задушенных Мышей.

– Никогда не слышал о такой улице.

– Это небольшая улочка вблизи старого кладбища. Добропорядочные граждане туда не заглядывают, даже ночной дозор старается обходить её стороной. Там находится логово зверя – так мы называем дворец короля.

В тот момент я не придавал особого значения этим последним словам моего друга и чуть за это не поплатился. Если бы я был повнимательней, я бы уберёг себя от огромного потрясения.

– Самое разумное, – продолжал Мишель, – это отправиться во дворец прямо сейчас. Нужно заявить о себе, а требуемую сумму ты сможешь внести позже.

На том и порешили.

Глава шестая,

в которой я предстаю перед Его Величеством королём воров и бродяг

Мишель расплатился с официанткой, заверив её, что непременно нанесёт ей визит, если не в тот же вечер, то по крайней мере на следующий, и, не дав мне дослушать её пространный ответ, в котором, как мне показалось, речь шла обо мне вкупе с какой-то здоровенной метлой, вытолкнул меня на улицу.

– Кажется, я ей не понравился, – заметил я удручённо.

– Не стоит принимать близко к сердцу слова глупой мышки, которая не видит дальше бородавок на твоём лице, – попытался успокоить меня Мишель. – Найдётся добрая душа, которая примет тебя таким, каков ты есть, и пригреет.

В этот момент с нами поравнялся богатый экипаж, из окна которого на мгновение выглянула прелестная мордашка.

– Что, понравилась? – спросил Мишель, заметив, как я уставился вслед удаляющейся карете.

– Да, хороша! – ответил я, не в состоянии скрыть восхищения.

– Хороша, да не про нас с тобой краля.

– Ты её знаешь? – спросил я без всякой задней мысли.

– Да кто ж её не знает? Это жена господина Шевротена, королевского прокурора. Малышка в два раза младше своего достойного супруга и, как я слышал, обходится ему недёшево. Старина Шевротен и раньше-то брал на лапу, за сотню крон мог отмазать нашего брата от любого дела. Но с тех пор, как женился, его гонорары выросли в несколько раз. Видел, какие на этой фифе цацки? По меньшей мере на десять тысяч крон. Очень она до них охоча. Так что выкинь её из головы. У нас с тобой есть дела поважнее, – сказал Пройдоха, однако не двинулся с места.

– Чего же мы тогда ждём? – не выдержал я.

– Подходящего экипажа. Прокатимся с ветерком.

– У тебя осталось так много денег?

– С чего ты взял, что я собираюсь платить? Смотри и учись, – сказал он и ловко запрыгнул на запятки проезжающей мимо кареты.

Я последовал его примеру, правда, с гораздо меньшим изяществом.

Покружив по переулкам, карета свернула на Малую Сырную (эту улицу я сразу узнал, несмотря на то, что выглядела она несколько иначе), и покатила по направлению к Проспекту Рокаматур. Однако, к моему удивлению, никакого проспекта я не увидел. Малая Сырная вывела нас не на широкий проспект, а на другую, ещё более узкую улочку. Я разглядывал незнакомые фасады домов, большинство из которых обветшали настолько, что трудно было себе представить, что в них ещё могли обитать мыши. И тут я увидел нечто, что заставило меня невольно вскрикнуть. На стене одного из домов я прочёл своё имя! Недолго думая, я соскочил с запяток кареты и стрелой помчался назад. «Эй, ты куда?» – услышал я за спиной удивлённый голос Пройдохи Мишеля, но я, подгоняемый тревогой и любопытством, не стал останавливаться.

Я не ошибся: на облупленной стене одного из домов висел большой плакат, в центре которого красовалось моё имя.

– Что это ты тут увидел такое интересное? – спросил Мишель, останавливаясь позади меня и громко отдуваясь от быстрого бега. – Ну-ка, дай посмотреть, – сказал он и прочёл вслух:

«Разыскивается бежавший из-под ареста и скрывающийся в городе опасный политический преступник, граф (далее следовало моё имя). За достоверную информацию о его местонахождении – награда 500 крон».

– Пятьсот крон! Не хило! – воскликнул Пройдоха Мишель. – Хочешь принять участие в поисках?

– Однозначно, – ответил я.

– А меня возьмёшь в долю?

– Буду рад, если ты согласишься мне помогать. Ты что-нибудь слышал про этого графа? Пройдоха покачал головой:

– Не-а. Но могу разузнать. Есть у меня одна знакомая белошвейка – красотка, скажу я тебе, хоть куда: ушки, шейка, плечики. А хвостик! Я в жизни не видел такого игривого хвостика.

– Не отвлекайся! – оборвал я его, возможно, слишком резко, но кто-то должен был вернуть этого мечтателя на землю.

– Ну так вот, эта самая белошвейка часто бывает при дворе Мауса XIII и знает все придворные сплетни, – продолжил развивать первоначальную мысль Мишель. – Если её порасспросить хорошенько, можно узнать кучу интересных вещей.

– Так зачем же дело стало? Давай порасспросим.

– Боюсь, при нашем финансовом положении это будет непросто. К таким барышням на кривой кобыле не подъедешь. К ним особый подход нужен.

– Во сколько может обойтись твой особый подход? – спросил я.

Пройдоха почесал за ухом.

– Как минимум в десять крон.

– Сумма немаленькая, но раз надо для дела, то постараюсь где-нибудь её раздобыть, – сказал я, впервые пожалев о тех нескольких серебряных монетах, которые так легкомысленно оставил в трактире "У лягушачьего болота". Но разве я мог тогда предполагать, какой сюрприз приготовила для меня судьба?

– Но сначала нужно добыть для тебя лицензию на трудовую деятельность, чтобы Безногий Майкл не спутал нам все карты, – напомнил Пройдоха Мишель.

– Да, да. Я помню. Далеко ещё до старого кладбища?

– Не очень. Можно дойти пешком. Всё равно никакой транспорт, кроме катафалков, туда не едет.

Путь, тем не менее, показался мне неблизким, и когда мы наконец повернули на улицу Задушенных Мышей, я слегка подустал. Очевидно, давал себя знать вчерашний марафон.

Дворец короля воров и бродяг уступал дворцу Маусов и в изяществе стиля, и в размерах. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что ни Маурицио Качотто ди Урбино, ни другой мало-мальски известный зодчий не привлекались к его строительству. Это было квадратное строение без архитектурных излишеств, с небольшими оконцами, которое скорее подходило для содержания заключённых, чем для дворцовых увеселений. Как я узнал позже, часть дома действительно когда-то занимала покойницкая. После этого он долго стоял заброшенным, пока его не облюбовал для себя и своей свиты король воров и бродяг. Здание давно нужно было снести, чтобы оно не портило вид города, но городские власти не решались на этот шаг, боясь навлечь на себя гнев короля маусвильского дна.

Ворота дворца не охранялись. Я обратил на это внимание своего спутника.

– А зачем их охранять? – удивился он. – Сюда всё равно никто чужой не посмеет войти. А если и войдёт, то больше никогда не выйдет.

И опять я не придавал значения его словам, не затрепетал, не насторожился.

Мишель потянул на себя тяжёлую дверь, и мы беспрепятственно вошли в дом. Я ожидал, что внутреннее убранство дворца будет под стать его фасаду, но ошибся. Покои короля воров

и бродяг были отделаны с роскошью, достойной его высокого титула. Оставив меня в приёмной, Мишель тут же отправился искать главного лекаря. Я не без удовольствия примостился на мягком восточном диване и дал отдых ногам, положив их на парчовую подушечку. Мне кажется, я даже ненадолго задремал, созерцая потолок, украшенный лепными орнаментами, потому что не слышал, как вернулся Мишель.

– Король сейчас принимает физиотерапевтические процедуры, – сказал Мишель. – Знать бы, что это такое. Но неважно. Увидишь – расскажешь. Главное – он тебя примет. Лекарь заверяет, что у Его Величества сегодня хорошее настроение. Так что можешь считать, что тебе повезло. Но ты всё равно не показывай вида, что испугался его. Он этого не любит.

– А мне есть чего опасаться? – спросил я.

– Нашему брату всегда есть чего опасаться, когда предстоит встреча с сильными мира сего, – философски заметил Пройдоха Мишель.

Мы миновали анфиладу комнат. Дворец казался погружённым в дремоту. Во дворце Мауса XXV, где мне доводилось бывать не раз, даже в утренние часы было намного оживлённей. Как я узнал позже, Его Величество Монморанси I, как изволил величать себя король воров и бродяг, не любил суеты вокруг себя. В его резиденции бывалолюдно лишь в те часы, когда он вершил суд и расправу. Обычно это случалось ближе к ночи. Сейчас же все покои были пусты. Только в одной из комнат о чём-то вполголоса беседовали трое. Одеты они были в такие же красочные лохмотья, что и мой спутник, но при этом как-то умудрялись сохранять щегольской вид. Я предположил, что это мыши из свиты Его Величества. Их прожжённые физиономии могли сделать честь любому полицейскому архиву преступников. Ни на мою скромную персону, ни на Пройдоху Мишеля придворные щёголи, увлечённые разговором, не обратили никакого внимания. "Никак, обсуждают очередную мошенническую комбинацию", – подумал я.

– Тебе сюда, – прервал мои мысли Мишель, останавливаясь у закрытой двери. – Дальше мне с тобой нельзя. Аудиенция получена для тебя одного. Давай! И не дрейфь, держи хвост пистолетом!

С этими словами он приоткрыл дверь и зачем-то подтолкнул меня, словно боялся, что я в последний момент могу передумать.

Я переступил порог и очутился в полумраке. Свет поступал в комнату через полуприкрытые ставни небольшого оконца, и всё, что я успел разглядеть в первый момент, был низкий диван, часть которого покрывал толстый пушистый ковёр. На ковре, без музыки, но очень слаженно танцевали три мышки. Одеты они были по-восточному в алые полупрозрачные шаровары и такого же цвета лифы. С лифов свисали продолговатые пурпурные бусинки, которые забавно подрагивали в такт ритмичным движениям танцовщиц. При моём появлении танцовщицы застыли, прикрыли мордашки ладошками и пропищали хором: "Ой, мамочки!"

Я уже успел привыкнуть к тому, что вызываю у жителей и, что ещё обидней, у жительниц Маусвиля неадекватную реакцию, поэтому испытал не столько удивление, сколько досаду от такого приёма: в глубине души я всё ещё продолжал надеяться, что способен пробуждать в женских сердцах более возвышенные чувства, чем страх. Однако не успел я прочувствовать свою обиду до конца, как ковёр вдруг пришёл в движение и сказал голосом, от которого у меня кровь застыла в жилах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.